

театр

ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ О ВЕСЕЛОМ ЖАНРЕ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В Москве есть два театра, билеты в которые спрашивают уже в метро (правда, не на все спектакли). Это — Сатира и Ленком, так называют их в просторечии. Раньше так было и на Таганке. Созвездие популярнейших актеров, броская, острая режиссура, пьесы, о которых еще задолго до премьеры по всей Москве распространялась молва, как о «запретных» (а запретный плод, как известно, всегда особо сладок) — все это вместе взятое и создавало ту обстановку повышенного ажиотажа, которая рождается вокруг каждой их премьеры.

И вот уже стало «престижным» бывать на таких спектаклях, публика начала на них рваться не столько затем, чтобы увидеть действительно прекрасных актеров в умных, талантливых постановках, а чтобы услышать со сцены чего-нибудь такого-этого про нашу жизнь, чего в другом театре не услышишь. И сидели в зале, затаив дыхание, смехом встречали каждую мало-мальски острую реплику, покрывая ее дружными, но тут же стихающими, словно бы испуганными аплодисментами. Так жаждали остrego, что нередко самое обыденное принимали за исключительное. Даже термин родился — «кукиш в кармане» про такие «мгновения истинные».

Да, к сожалению, именно так все и было. Окаменевшая система театрального производства с ее многоступенчатыми приемами сначала пьеса, а потом спектакль порождает вокруг некоторых из них ненужный, вредный для самих театров ажиотаж, слухи, отнюдь не способствующие нормальной творческой атмосфере. «Служенье муз не терпит суеты» — великие, пророческие слова. Однако и самоупокоенность, почивание на лаврах в равной мере противопоказаны искусству. Формизм — он ведь притупляет вкус, зрение, слух. Переопределенный зрительный зал, неизменные аншлаги на все подряд — и приятно, и выгодно театру: премии, призовые места, спектакли в репертуаре могут держаться по многу сезонов, нет надобности торопиться с премьерями. Инерция успеха.

А собственно, что тут удивительного? Вспомним, как наша жизнь последние десятилетия текла под знаком инерции. В сфере духовной — особенно. Это сейчас мы с горечью вспоминаем, сколько посредственными книжкам, фильмам, спектаклям щедро раздарили государственные премии. А ведь тогда все это хвалилось нами же, критикой. Иные увенчанные сла-

вой театры прямо за горло брали: хвалили спектакль, все равно заставлял. И ведь заставляли. Было. К знаменательным датам рождались скороспелки — однодневки. Лишь бы выдать что-нибудь «на тему». И сходили со сцены такие поделки так же быстро, как и возникали. А след оставляли горький. Туманили душу неправдой. Пьес кругом было, как говорится, «навалом», а если выбирать по строгому счету — играть нечего. Произведения с критическим уклоном лежали до лучших времен в письменных столах авторов, да и было-то их считанное число: обидно все-таки писать на корзинку.

И даже когда в преддверии XXVII съезда партии первыми ласточками обновления явились на сцену «Серебряная свадьба» МХАТе и «Говори...» в Театре имени М. Н. Ермоловой, их встретили поначалу сдержанно, с чуть заметной опаской. А потом лавина восторгов: новизна, смелость.

Прошел всего год, а жизнь наша так круто изменилась, так открыто и честно говорит с нами партия о недостатках, социальных несправедливостях, что спектакли, еще вчера бывшие безоглядно смелыми, сегодня оказываются в ряду явной обыденных, повседневных. Театрам перестраиваться трудно, спорно нет. Но зато им сейчас дана полная свобода в выборе репертуара, количестве выпуска премьер, формировании труппы. Ищи, пробуй, дерзай! Обретай утраченное лицо, если оно у тебя было, находи собственное, если до сих пор существовал безликий. Только помни: ты — кафедра, с которой обязан сказать много добра людям. Добра не в смысле утешительства, разумеется, а пользы, здрава мысли, энергии действия. И какой простор для сатиры! Пригоршнями можно черпать сюжеты и темы прямо с газетных полос! И кому, как не Театру сатиры, быть здесь в лидерах. Само имя обрывает.

Репертуарная афиша Театра сатиры обширна и богата названными — восемнадцать спектаклей в постоянном прокате. Среди них немало долгожителей, а «Этатоканному апостолу» пошел уже семнадцатый годик, и у его главного героя, наверное, дети за это время выросли до паничного возраста. Но дело, конечно, не в самих годах. Если спектакль не утратил своей идейной, тематической актуальности и не потерял форму, он имеет право на существование. Только

ведь чем больше старых названий на афише, тем труднее «втиснуться» туда новым работам. А новые нужны не для количества, жизнь требует во всем коренных качественных перемен.

Тридцать три года назад, когда В. Плучек пришел в театр еще только очередным режиссером, вместе с Н. Петровым и С. Юткевичем он поставил «Баню» Маяковского, а через полтора года тоже с Юткевичем «Клопа», потом «Мистерио-буфф», уже один. Успех спектакли имели огромный, с них, собственно, и началась слава Театра сатиры. Возобновленный, а точнее, заново поставленный «Клоп» и ныне на афише театра. Но еще нужнее, пожалуй, была бы сегодня «Баня». Силен и живуч оказался Победоносико, множество раз услышишь со времен Маяковского трансформироваться и приспособиться к новым веяниям. Драматург А. Зорин отлично схватил самонаводящую разновидность этого типа бюрократы в своей комедии «Цитадель», и можно только пожалеть, что она прошла мимо Театра сатиры, заняв достойное место по соседству на сцене театра имени Моссовета. А ведь как нужна такая пьеса именно сегодня и именно Театру сатиры.

Зрители, да и критики как-то уже давно притерпелись к тому, что практически все театры утратили индивидуальные черты. Распались прежние крепкие содружества драматургов с определенными коллективами, режиссерами. Авторы зачастую отдают свои детище туда, где скорее поставят. Может быть, в силу этих причин так мимолетно вошло за последние годы и некогда четкое, жанрово определенное лицо Театра сатиры.

Собственно сатира в ее чистом и ясном выражении в репертуаре театра почти не стало. Комедии — да, легкие, сентиментальные, лирические («Роденские мои», «Восемнадцатый верблюд»), а больше — просто пьесы, драмы, пригодные для любой сцены, от академической до ТЮЗа («Прошай, конференсье», «Роковая ошибка»). Даже «Вишневый сад», поставленный В. Плучеком в Малом зале, прозвучал не комедией, а грустной элегией разведенных, хрупких, но надеющихся друг друга судьба.

И, пожалуй, только «Гнездо глухаря» В. Розова, пробиравшееся к зрителям в 1986 году через множество препон, до сих пор несет в себе заряд очищающей ненависти к тому порядку и тем его уродителям, что породили эти глухариньи гнезда.

А через два года, тоже с боями за право своего существования, появился «Самоубийца» Н. Эрдмана. Заранее назлектризованный всевозможными слухами о скором снятии спектакля за его чрезмерную остроту, зрительный зал взрывался аплодисментами даже в тех местах, где ни сам автор, ни театр не стремились ставить каких-либо акцентов. Аплодировали неуклюжей длинной шинеи и кепке «сазурному» персонажа С. Мишулина, аплодировали «дезабиле» героини З. Зелинской, выносу гроба для будущего самоубийцы. И кто знает, не эти ли чрезмерно восторженные, а порой, может быть, и в самом деле демонстративные аплодисменты померещились кому-то из сверхосторожных чиновников небезопасными, и спектакль после нескольких показов сняли. Шел 1982 год.

Такие встряски не проходят бесследно. Куда спокойнее ставить спектакли из зарубежной жизни, о, так сказать, «их нравах». К вышедшей ранее «Трехгрошовый опер» присоединился «Крамнзгел», не принесший театру ожидаемых лавров, а зрителям возможности посмеяться, и уже как-то совсем скромно появилось на афише «Бремя решений», политическая драма без намека на юмор, действующими лицами которой было семейство президента США Джона Кеннеди и его ближайшее окружение. Умытые деревянные лабиринты бордово-коричневого цвета, выстроенные на сцене, усугубляли ощущение тоскливой буфорофности всего происходящего. Спектакль не спасло наличие в нем таких актеров, как Миронов, Ширвиндт, Державин. На наших глазах словно бы начинало распадаться когда-то так прочно выстроенное изящество вавилонского сооружения.

Вялой «Рыжей кобыле с колокольчиком» И. Друцз на сцене Театра сатиры критики ищут всяческие оправдания, убюкивая автора, театр, зрителя. Но зритель может на худой конец простить театру от собственного детства?

Ион Друцз — писатель глубокий, мудрый. И пьесы у него, пьесы-притчи, неизменно трудные для постановки, и, как мне кажется, до сих пор еще никем до конца не поняты и не раскрыты. Бытовизм и комикование героям Друцз противопоказаны. Каждый из них — целый замкнутый в себе мир, а все вместе — человечество в сложном перепле-

тении судеб и времен. Когда же актеры как лоскутное одеяло начинают каждый тянуть пьесу на себя, все происходящее в ней утрачивает какой бы то ни было смысл, и спектакль, как лопнувший воздушный шарик, обращается в сморщенный, бесформенный комочек. Несовместимость может обнаружиться даже у любящих друг друга людей. Драматургия Друцз и сценическое прочтение «Рыжей кобылы» в Театре сатиры — две вещи несовместимые.

Четыре года прошло со снятия «Самоубийцы». Сегодня спектакль снова на сцене и больше не представляет собой запретного плода. Растаяла окружающая его соблазнительная аура недопустимости, и тут выстраиваются аплодисменты, неоправданной, непросяженной оказалась центральная фигура мнимого самоубийцы, в те, незапамятные времена, наверное, типичная и узнаваемая, а для нас, сегодняшних, просто жалкая. Да и все фигуры «бывших» — интеллигента, писателя, священнослужителя, дамочек неопределенных занятий тоже существуют как-то сами по себе, будто спектакль лишен внутреннего стержня. Зрители на него стремятся как прежде, но реакция зала уже совсем иная. Лишь в двух-трех фразах можно услышать прямую переключку с нашим днем.

Билеты в Театр сатиры спрашиваются... Срабатывает инерция успеха. Но где-то там, глубоко внутри театрального организма, нарушилась прежняя гармония, и обилие названий на афише может оказаться ненадежным щитом.

Театру, наверное, а первую очередь надо подумать о своей, отличной от репертуара остальных театров драматургии, привлечь к работе молодых режиссеров, имеющих вкус и склонность к настоящей, русской сатире. Своя «актерская» режиссура может вырваться иной раз, в крайнем случае, но как показывает практика, хорошим актерам лучше все-таки заниматься своим прямым делом, а профессиональным режиссерам — ставить профессиональные спектакли. И еще. Думается, что давно пора театру выпускать на сцену молодежь не только в ролях бессловесных девиц из кабаре. Молодые роли должны все-таки играть актеры и особенно актрисы соответствующего возраста. Театру нужно свое неповторимое лицо, чтобы по праву носить звонко, хлесткое имя — Сатира!

Н. БАДАШОВА.